

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В АСТРАХАНИ

Почти два месяца тащился по бездорожью от Вилуйска до Астрахани таинственный возок с «секретным преступником № 5». 27 октября 1883 года жандармы доставили Чернышевского в Астрахань и «задоурили» в гостиницу домовладельца Смирнова. Николай Гаврилович глянул в окно на торговую площадь Городских Весов. Перед ним у «Пыточной башни» кремля гудела разноязычная толпа: татары и персияне, бухарцы и хивинцы, русские и армянские купцы. Мелькали халаты, чалмы, котелки, шляпы, фуражки, а то и ничем не прикрытые нечесанные лохмы ватажников, нагрянувших с верховья в город «Полуденной России», как в старину называли эту окраину империи. Над головами грузчиков-крючников плыл товар: корзины с сушеными фруктами, с оружием, ковры, обувь, тюки с кошмами...

Как только переступаешь порог вновь открытого в Астрахани литературно-мемориального музея Николая Гавриловича Чернышевского, поражает надпись на стене: «Пока я жив, Чернышевский не выйдет из Сибири. Александр II».

И все-таки как могло случиться, что акт «гуманности» был проявлен к «опасному государственному преступнику»? Во-первых, это было уже при Александре III. Во-вторых, новому государю, реакционеру и крепостнику, постоянно мерещился революционный взрыв, он испытывал страх оттого, что томившиеся в Вилуйске узник оставался «калестинном дум» студенческой молодежи, а в зарубежной печати царизм резко осуждался за бессмысленную жестокость к Чернышевскому. В-третьих, долги годы каторги, как думалось, сломали волю революционера, и он теперь не столь опасен. Такому мнению способствовал отзыв нового астраханского губернатора Вяземского: «Нахожу Чернышевского совершенно-безопасным в политическом отношении, ввиду очевидного падения или притупления его умственных способностей. Поведение Чернышевского безукоризненное, а занятия его заключаются в переводе Всеобщей истории Вебера, доведенной им почти до конца».

Астраханский период ссылки Чернышевского мало изучен. Открытие музея в Астрахани способствовало отысканию новых материалов, свидетельствующих о том, что и в годы политической изоляции Николай Гаврилович не был духовно сломлен, не изменил своим революционным убеждениям.

Еще в 1938 году, когда страна готовилась отметить 50-летие со дня смерти Чернышевского, преподаватель истории Астраханского педагогического института Алексей Федорович Мартынов обратился в окружной архив. Фонды канцелярии губернатора, полицейского и жандармского управлений не были разобраны. Исследователю, в виде особого исключения получившему к ним доступ, пришлось просмотреть сотни и сотни связок — дела за десятки лет. Удалось отыскать немало документов за 1883—1889 годы, в том числе «Дело 1-го стола Канцелярии Астраханского губернатора по указу Правительствующего Сената об учреждении надзора за государственным преступником Николаем Чернышевским».

В 1941 году А. Ф. Мартыновым была подготовлена к печати книга «Н. Г. Чернышевский в Астрахани. 1883 — 1889 гг.». По плану Сталинградского издательства она должна была выйти в свет в октябре 1942 го-

да. Этому не суждено было осуществиться: верстка книги сгорела 23 августа 1942 года во время ожесточенной бомбежки города фашистскими самолетами. Сгорели и редкие фотографии.

Экспонатами музея стали газетные статьи за 1939 — 1946 годы первого исследователя жизни и деятельности Чернышевского в Астрахани, его переписка с Ниной Михайловной Чернышевской, внучкой писателя, с Константином Михайловичем Федоровым, секретарем-переписчиком Николая Гавриловича.

Из материалов «Дела 1-го стола...», которое также выставлено в музее, мы узнаем и подробности филерской слежки, об «открытии кредита» в сумме тысяча пятьсот рублей на сыск-

ний, донесения агентов, переписка департамента полиции позволяют день за днем проследить за жизнью и работой ссыльного. На состоявшихся в Астрахани литературных чтениях ученые и писатели Москвы, Саратова, Астрахани, Липецка в своих докладах исследовали революционные связи «великого русского писателя, одного из первых социалистов России».

Буквально на следующий день после прибытия в Астрахань Чернышевский посылает письмо Александру Ивановичу Пыпину, ученому, литературоведу и двоюродному брату, излагает обширные планы литературной деятельности, пытается осуществить давно задуманную работу — создание биографии Николая Александровича Добролюбова. Писалось легко, так как держал

Мартынов проанализировал этот материал, и выяснилось: костомаровский текст фактически был коренным образом переработан, а треть раздела написана самим Николаем Гавриловичем.

Видное место в музее занимают портреты людей, с которыми встречался Николай Гаврилович в астраханский период. Такие встречи были связаны с революционной борьбой. Не всегда Чернышевскому, знавшему о неуспешной слежке, приходилось вести откровенные разговоры с незнакомыми.

В воспоминаниях Софьи Лавровой читаем: «...Я ожидала от Чернышевского беседы на волнующие всех нас тогда общественно-политические темы, но он начал мне рассказывать какие-то детские сказки. Хотя мне было тогда всего восемнадцать лет, но помню, что это меня очень удивило. Но к вечеру, когда Николай Гаврилович убедился, что никто не помешает нашей беседе в каюте втроем, он заговорил о Гарибальди, Герцене, Огареве...».

После казни Александра Ульянова с товарищами студенты зачастили к Чернышевскому — «хотелось руководящих указаний авторитетного человека». Не все из них получали удовлетворение от встречи с автором «Что делать?», не понимая эзопова языка и тем более не соглашаясь с его «резко отрицательным отношением к народническим методам борьбы».

Наряду с сочинениями Чернышевского литературно-мемориальный музей хранит «Всеобщую историю» Вебера, выпущенную издательством Солдатенкова, в переводе с немецкого Андреева (Н. Г. Чернышевского).

Директор музея Алевтина Сахнова просила довести до сведения общественности: музей ждет все, что может составить ценность для экспозиций. Один из последних экспонатов, поступивших в музей, — фотография алмаза весом в 50 с лишним каратов, названного «Н. Г. Чернышевский». Дар этот привез из Якутии министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев, автор работ о Чернышевском. Символично, что «вилуйский узник» в своей статье «Антропологический принцип в философии» размышлял о светоносном минерале свыше 120 лет назад.

Посетители музея не без интереса узнают, что все выдающиеся актеры, побывавшие в Астрахани, — Ермолова, Андреев-Бурлак, Писарев, Адамьян — были гостями Чернышевского. В экспозиции мы находим свидетельства многих известных писателей о влиянии личности и трудов Чернышевского на их жизненный и творческий путь. Цанно и свидетельством писателя Владимира Галактионовича Короленко, встретившегося с Чернышевским незадолго до его кончины: «Я видел людей, которые прожили в сибирской глуши гораздо меньше Чернышевского и не в таких условиях, и на них подчас не оставалось человеческого облика...» А Николай Гаврилович «остался в основных своих взглядах тем же революционером в области мысли, со всеми прежними приемами умственной борьбы».

Первый нарком просвещения А. В. Луначарский оставил для нас заветные слова: «Облик Чернышевского встает перед нами в таком изумительном благородстве, в такой законченности, что мы и сейчас можем личность Чернышевского ставить в образец нашей молодежи...».

Сергей ПАНЮШКИН
АСТРАХАНЬ — ЛИПЕЦК

Дом купца Хачикова, где ныне расположен Литературный музей Н. Г. Чернышевского.

Короленко у Чернышевского в Астрахани.
Рис. Ю. КАЗМИЧЕВА

ную часть — расходы на слежку за Чернышевским. Заметим, в городе «Полуденной России» тогда было более ста политических ссыльных и до водворения сюда узника из Вилуйска департамент полиции обходился эта тысяча пятьсот рублями на эти же цели...

За шесть лет Чернышевский снимал в Астрахани для жилья несколько квартир. Удобным для музея оказался домик армянского купца Хачикова. В доме после капитального ремонта воссоздана обстановка тех лет, отысканы некоторые вещи, которыми пользовался Николай Гаврилович. Многие фотокопии ценных документов и материалов получены из музеев Москвы, Саратова, Астраханская областная научная библиотека передала комплекты журналов, в том числе иностранных, которыми пользовался Николай Гаврилович, иные даже с его пометками.

Сводки наружных наблюде-

в памяти произведения, сложившиеся за долгие годы сибирской каторги, — лишь записывая и посылал в издательства. Но царизм вновь наносит разящий удар — писать, печататься запрещено.

Николай Гаврилович вынужден заниматься лишь переводами, без права подписывать своим именем. Однако за эту изнурительную работу он взялся не только «из-за куска хлеба». Он сумел и переводческую деятельность превратить в арену борьбы с реакцией. Многолетняя история Георга Вебера, имевшая хождение в России, требовала коренных очищений и изменений. Чернышевский, например, выбросил целиком из XI тома главу «Очерк истории России от начала царствования Михаила Федоровича» и заменил своим рассказом. В предисловии же указал в расчете на цензоров, что эта глава заимствована из «Истории России» Костомарова. Доцент А. Ф.